

Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918–1940 гг.

А. В. Фоменко*

Статья посвящена исследованию позиции США по вопросу о независимости Эстонии, Латвии и Литвы после Первой мировой войны и в 1939–1940 гг.

По мнению автора, Соединенные Штаты, вопреки распространенному мнению, не были активными противниками инкорпорации прибалтийских государств в состав Советского Союза. Сразу после возникновения независимых прибалтийских республик американская дипломатия поддерживала идею территориальной целостности России в надежде на то, что если антикоммунистические силы одержат победу в Гражданской войне, новое демократическое правительство станет законным обладателем этих территорий и унаследует важную роль в международных отношениях, ранее принадлежавшую Российской империи. Правительство США признало страны Балтии только после победы большевиков. В дальнейшем, когда СССР включил Прибалтику в свою сферу влияния, США были озабочены другими стратегическими интересами и практически ничего не сделали, чтобы помешать включению балтийских республик в состав СССР

Ключевые слова: Литва, Латвия, Эстония, Соединенные Штаты, независимость, признание, гражданская война, Советская Россия.

Keywords: Lithuania, Latvia, Estonia, the United States, independence, recognition, the Civil War, Soviet Russia.

Едва избежавшись, вслед за Москвой и по ее почину, от официальных советских исторических мифов, Таллин, Рига и Вильнюс не замедлили официализировать мифы антисоветские. В итоге, там сегодня вполне общепринятым является представление о том, что после захвата власти в России большевиками именно они, смелые антикоммунистические «Давиды», упорно противостояли красному «Голиафу». И о том, что в те годы западные демократии во главе с Соединенными Штатами восторженно славили появление на карте мира вновь созданных прибалтийских государств, а затем в 1940–1941 гг. протестовали против «оккупации» их Союзом ССР.

Но анализ источников свидетельствует о том, что все происходило не совсем так, или — совсем не так, как гласит культивировавшаяся в годы «холодной войны» политическая легенда.

Например, инкорпорирование в начале Второй мировой войны прибалтийских государств в состав СССР — часто, хотя юридически некорректно, именуемое оккупацией — не могло вызвать дополнительных существенных осложнений во взаимоотношениях основных геополитических игроков.

Советы или Гитлер?

Собственно говоря, возможностей для развития событий в так называемой Прибалтике — на территориях бывших Прибалтийского и Западного краев Российской империи — в 1939–1940 гг. было немного. Спорить можно было лишь о том, по какому варианту будут развиваться события: в прибалтийских столицах были тогда сторонники как немецкой (нацистской), так и русской (советской) ориентации. И ни они, ни западные великие державы, будучи сами парламентскими демократиями, не особенно

* **Фоменко Александр Владимирович** — депутат Государственной Думы IV созыва, член российских парламентских делегаций в ПАСЕ и ПА НАТО (2004–2008).

стремились учитывать различия между Германией и нацизмом, между Россией и большевизмом / коммунизмом. Тем более, что внешняя политика уже сталинского СССР довольно далеко ушла от ленинско-чичеринских времен «торга большевиков территориями ради сохранения завоеванной власти на остальной части страны»¹.

Что дало повод, например, посланнику Латвии в Лондоне Людвигу Сея заявить своему американскому коллеге: «С тех пор как Молотов является комиссаром иностранных дел, советская политика ясно свидетельствовала о возврате к русскому национализму»². Латвийский же посол в США Альфред Бильманис говорил о Сталине, что «в данный момент он на 90% процентов — русский в своих мыслях, и только на 10% коммунист»³.

В те же дни, ссылаясь на высокопоставленного эстонского дипломата, американский посланник в Таллине и Риге Джон Уили сообщал в Вашингтон, что «в недавних событиях Советский Союз предвидит возможность германского разворота с запада на восток», что «советская превентивная тактика в Польше, особенно вдоль южной границы, может подтвердить его тезис, так как, очевидно, советская политика не только нацелена на немецкое положение на севере, но и также имеет целью остановить продвижение политики *Mittleuropa** по направлению к юго-востоку».

По его мнению, эту «советскую политику на юге [Прибалтики. — А. Ф.] можно было трактовать скорее как оборонительную, нежели наступательную» (по отношению к Германии. — А. Ф.). Ибо, несмотря на заключенный Молотовым и Риббентропом пакт, «истинный смысл происходящего, возможно, состоит в том, что советская политика остается неизменной и продолжает направляться, со всей силой советской подозрительности, на все великие державы Центральной и Западной Европы, включая Германию»⁴, — писал Уили.

Собственно, именно такую трактовку событий предпочитали, похоже, и в Вашингтоне, и в Лондоне. И если, по его же, Уили, сообщению, «в октябре 1939 половина латвийского правительства желала отдать Латвию в распоряжение Германии (имея в виду, очевидно, просить германского протектората), утверждая, что нет ничего хуже советской оккупации, и они настаивали на смещении Мунтерса из-за его проанглийских симпатий и связей с Лигой Наций»⁵, то это никак не могло воодушевлять людей Рузвельта, уже решившихся на военное противостояние с Германией. Для них приемлемо было все, что угодно, кроме настоящего сближения Берлина и Москвы.

В этих условиях и большой советско-эстонский договор, и советско-эстонское торговое соглашение (подготовленное видным эстонским дипломатом Георгом Мери — близким родственником крупного советского писателя и первого президента повторно

независимой Эстонии Леннарта Мери, а также Героя Советского Союза и постсоветского эстонского диссидента Арнольда Мери), вполне естественно, воспринимались как направленные специально против Германии.

Американская дипломатия была вполне осведомлена о том, что «Эстония, предположительно, есть лишь отправная точка. Других уступок, вероятно, сразу потребуют у Латвии. Финляндию также ясно попросят поучаствовать, и возможно Литву»⁶. И никакого особого беспокойства у тогдашнего Вашингтона эта активность СССР, похоже, не вызывала.

В 1939 г., правительство США было озабочено не столько усиливавшимся давлением Москвы на прибалтийские правительства, сколько настойчивой советской просьбой о закупке американской военно-морской и авиационной техники, для чего в Вашингтон была отправлена делегация во главе с первым заместителем наркома ВМФ адмиралом И. С. Исаковым.

Имеются в виду не только попытки (при участии шурина Вячеслава Молотова предпринимателя Сэма Карпа и его «Carp Export and Import Corporation») заключения контракта на постройку американцами для СССР военного корабля водоизмещением 75 тыс. т⁷ и закупки у частных производителей морских орудий и систем управления огнем⁸, но также и намерения приобрести у «Боинга» четырехмоторные бомбардировщики и лицензию на их производство, а у «Curtiss-Wright Corporation» — истребители и лицензию на их производство, и у еще одной компании — авиационные двигатели⁹.

Причем, как свидетельствовал заместитель военно-морского министра Эдисон, «пожелания Президента в отношении строительства военных кораблей для правительства СССР были ясны, и он считал своим долгом сделать все возможное для облегчения прохождения предлагавшихся сделок», в то время как чиновники военно-морского ведомства США всячески сопротивлялись этому¹⁰.

Лишь начало советско-финляндской войны поставило крест на тогдашних планах военного сотрудничества США и СССР¹¹. Дело в том, что в 1939 г. у американцев возникло подозрение о том, что предполагаемый конечный потребитель покупаемой военной техники относится к числу тех «стран, чьи вооруженные силы вовлечены в воздушные бомбардировки мирного населения», что тогда считалось морально и политически неприемлемым.

Хотя уже через год нравы стали меняться: Черчилль отдал приказ бомбить немецкие города — с целью деморализации немецкой армии, а затем немцы, в ответ, разрушили Ковентри. В феврале 1945 г. британская и американская авиация подвергла агрессивной бомбардировке жемчужину европейской культуры — город Дрезден, не имевший никакого военного значения.

* *Mittleuropa* (нем.) — Срединная Европа.

В 1945 же году американские бомбардировки Хиросимы и Нагасаки окончательно стерли разницу между военными и гражданскими целями — о таких консервативных вещах в годы планирования всеокулающих ядерных ударов уже не вспоминали ни либеральные, ни коммунистические прогрессисты. (Не известно, сожалел ли когда-либо Трумэн о разрушении хотя бы Нагасаки — католического центра Японии: среди погибших там японские христиане составляли 40%¹², а кафедральный собор Ураками оказался в эпицентре ядерного взрыва.)

Для Литвы, в отличие от Латвии и Эстонии, у Молотова и Сталина было в 1939 г. действительно соблазнительное предложение, от которого было невозможно отказаться. А именно — передать литовцам столь желанный для них город Вильно (Вильнюс).

Именно в этом польско-литовском городе в 1918 г., в пору оккупации его войсками императорской Германии, была провозглашена независимость Литовской республики. Но в 1920 г. генерал Л. Желиговский¹³, будучи во главе 1-й белорусско-литовской дивизии польской армии (официально — мятежной), захватил его, сделав столицей вновь созданной «Республики Срединная Литва», что обеспечило инкорпорацию города в 1922 г., по решению свободно избранного (этническими литовцами) «срединно-литовского» парламента, в состав Речи Посполитой. Вследствие чего фактическую столицу литовского государства пришлось переносить в Ковно (Каунас), хотя в тексте литовской конституции название столицы оставалось прежним.

В то время как Советская Россия уведомила Варшаву о своей готовности согласиться лишь с совместным польско-литовским решением проблемы, западные державы уже в марте 1923 г. признали новую восточную границу Польши.¹⁴

Разумеется, после этого литовцы не могли и мечтать о возвращении в их руки древней литовской столицы — ни при какой политической погоде, кроме сталинского желания обеспечить свое военное присутствие на литовской территории, в непосредственной близости от тогдашней территории Третьего рейха, включившей в свой состав земли бывшей Польши.

Осенью 1939 г., город оказался под контролем Красной армии — вследствие молниеносной победы Германии в войне с Польшей¹⁵, собственно, и положившей начало новому всеевропейскому конфликту, быстро достигшему мировых масштабов.

Полякам тогда сильно не повезло в конце казавшегося столь успешным раунда — только что они в результате так называемого мюнхенского сговора Лондона, Парижа и Берлина и раздела Чехословакии сумели отхватить часть чехословацкой территории себе¹⁶, и вот уже, вследствие «сговора Молотова и Риббентропа», дипломатического шедевра того времени, Красная армия озаботилась судьбой неполяского населения восточной части Речи Посполитой.

Против такого территориального искушения самобытной литовской государственности было трудно устоять. И Литовская Республика торговалась недолго, приняв все необходимые Сталину условия его ультиматума, в том числе и касающиеся советских военных баз.

В обмен на согласие с более чем явным ограничением суверенитета Литве было предложено получить в свое распоряжение Вильну вместе с окрестностями, которые населяло примерно 450 тыс. человек. Причем соотношение литовцев с нелитовцами было один к пяти: 75 тыс. литовцев, 100 тыс. поляков, 275–300 тыс. русских и евреев, и из этого числа последние составляли большинство. Радости *гордых своей независимостью* литовцев от столь неожиданного приобретения, похоже, не было границ. (Мнения нелитовцев при этом никто, разумеется, не спрашивал¹⁷.)

11 октября 1939 г. американский посланник в Литве Оуэн Норман писал государственному секретарю: «Демонстрации происходили в течение всего дня. В полдень, вслед за речами, зазвонил колокол Свободы. Возвращение Вильны встречено с огромным воодушевлением, и какие-то демонстрации ожидаются вечером»¹⁸. Американский дипломат сообщил и о содержании своих весьма интересных бесед с литовскими государственными чиновниками высокого уровня:

«...Министр [иностраннх дел Литвы] выразил надежду на то, что советский нарком иностраннх дел был искренен в выражении своего дружеского понимания литовских проблем и особенно своего согласия с тем, как литовцы обращаются с местными коммунистами. Советские представители будто бы сделали заявление относительно того, что литовцы могут даже расстреливать их, если найдут нужным. [Вице-премьер] Бизаускас высказал мнение о том, что сегодняшняя Россия является не столько красной, сколько национальной. Здесь бытует мнение, что Германия делает акцент на коммунистической угрозе лишь с целью подтолкнуть движение за мир»¹⁹.

Через два дня он же писал: «Вовсе не желая оправдывать русские действия в прибалтийских государствах и не извиняя их за позор коммунизма, я все же полагаю, что сегодня перед нами возникает вопрос сильной национальной России, которая намерена укрепить свое положение в Европе и Азии.

Нам рассказывают множество «ужасных историй», которые напоминают мне одну из тех, что распространялись в пору вторжения в Бельгию [в 1914 г.], когда немцев обвиняли в отрезании детских рук и тому подобном. Сделав естественную поправку на обстоятельства, необходимо признать многое из этого фантастическими рассказами. По моему мнению, вторжение России [в Польшу] было произведено с относительно меньшей жестокостью, нежели совершенное немцами. Я также думаю, что если сравнивать русских и немцев с поляками, то

последние гораздо более способны на ужасную жестокость, так как воспитание их самое плачевное, а нрав — самый изменчивый»²⁰.

(И уже после Второй мировой войны пребывавшие в составе Советского Союза литовцы закрепили за собой немецкий Мемель /Клайпеду/ и часть территории Восточной Пруссии, завоеванные кровью советских солдат.

Впрочем, та же Польша после 1945 г. сумела не только получить в свое распоряжение из рук Сталина /и с согласия Рузвельта/ немецкие Силезию и Померанию, завоеванные русской кровью, но и полностью очистить эти земли от немецкого населения, трудившегося на них последние несколько сот лет.)

Именно на основании подобных донесений американских дипломатов Государственный департамент и администрация Президента Рузвельта и вырабатывали свое отношение к происходившим в Прибалтике событиям, ход которых ускорился по мере нарастания уровня военного противостояния в Европе.

И вряд ли в Вашингтоне кто-то удивлялся той относительной легкости, с которой авторитарные правители Риги и Таллина нашли в конце 1930-х гг. общий язык с Молотовым и Сталиным, а чуть менее авторитарный правитель Литвы лишь слегка задержался с ответом на заманчивые предложения советского руководства.

Ведь в связи с тем, что прибалтийские «умеренные» революционеры согласились отсчитывать свою дипломатическую историю от момента признания их петроградско-московскими «неумеренными» революционерами, они, очевидно, связали себя с советским режимом крепкими узами «взаимовыгодного сотрудничества». Это сотрудничество подразумевало, между прочим, и особые отношения с советскими полпредствами, а также с советскими внешнеторговыми организациями. И в пору было говорить о настоящем «соглашательстве» прибалтийских революционных режимов с Советами на протяжении всех лет их «первой независимости».

Легенда о борьбе с коммунизмом

Возникшая в годы «холодной войны» и общепринятая сегодня политическая легенда о неких гордых маленьких народах, завоевавших свою независимость в тяжелой борьбе с русскими большевиками, определенно, нуждается в уточнении.

Литовская независимость была провозглашена 16 февраля 1918 г. так называемым Национальным советом в прямом смысле слова на *германских штыках* — на оккупированной немцами территории Российской империи. Немцы же первыми и признали эту «независимость». Правда, после поражения Германии на Западном фронте литовским «индепендентистам» пришлось вначале идти на поклон к большевикам, а затем добиваться признания уже у новых победителей — стран *Антанты*.

Латыши же и эстонцы из-за своих старых, многовековых счетов с балтийскими немцами — недавними хозяевами этих *немецких остзейских провинций* Российской империи — сразу выбрали в качестве путеводной звезды туманный Альбион. Хотя не брезговали и более или менее тайными (и тесными!) контактами с настоящими отцами своей независимости — теми же большевиками.

Сегодня в столицах прибалтийских государств не любят вспоминать об этом, но именно Советская Россия *первой в мире* признала Эстонию — уже 2 февраля 1920-го, Литву — 12 июля и Латвию — 11 августа того же 1920 г. (Бессмысленно сейчас задаваться вопросом о том, кто именно от лица России соглашался тогда на расчленение ее исторической территории? что за *рабочие, крестьяне и солдаты* решали судьбу Прибалтийского края?)

Далеко не случайно в Риге до сих пор стоит памятник «латышским *стрелкам*», а правительству Латвии не приходится в голову приносить извинения правительству РФ за действия этих «интернационалистов» в годы Гражданской войны в России.

Вопреки расхожей легенде, никакой особенной антикоммунистической активностью прибалтийские режимы никогда не злоупотребляли. Это немецкие и балтийские²¹ добровольцы вместе с белыми русскими проливали тогда кровь на полях сражений с красными.

В 1919 г., например, литовцы были единственными из трех прибалтийских народов, чьи тогдашние вожди были готовы совместно с русскими частями вести войну с большевизмом — на условиях предоставления Литве в будущем автономии в составе империи. В то время как и латвийские, и эстонские сепаратисты предпочитали договариваться с Советской Россией, не очень беспокоясь о ведении антибольшевистской борьбы.

В этой их готовности не было ничего неожиданного: и латвийский диктатор Карл Ульманис, и эстонский диктатор Константин Пятс — начинали как более чем левые революционеры еще в императорской России, после подавления революционных беспорядков 1905 г. оба были вынуждены эмигрировать. Литовский же диктатор Антон Сметана (Антанас Сметона — в литовской огласовке) был тогда не менее революционно настроенным журналистом.

Понятно, что после Октябрьского переворота с таким послужным списком можно было притязать на многое. Хотя надо признать, что и обычная военно-дипломатическая активность *коварного Альбиона* немало поспособствовала тому, чтобы немецкие добровольческие части были выведены из борьбы, а русские эту борьбу — проиграли.

В том же 1919 г. власти независимой Эстонии сделали все, чтобы не дать Северо-западной армии Юденича взять Петроград, а затем эстонцы и латыши воспрепятствовали отправке ее частей на деникинский фронт.

Правительство Яна Тыннисона (бывшего депутата нашей Государственной Думы) настолько не желало делать Эстонию «базой русской реакции»²², стремясь к миру с большевиками, что отдало приказ о полном разоружении и лишении знаков отличия всех русских белых воинов при переходе ими границы. В том числе и тех самых добровольцев, которые предыдущей зимой 1918–1919 г. защитили Ревель (Таллин) от красных. Эстонцы не только захватили все вооружение, все склады военного имущества Северо-западной армии, множество вагонов и паровозов, но и открыто грабили личное имущество русских офицеров при сдаче ими оружия²³.

О «нечеловеческих глумлениях» независимых эстонцев над белыми русскими так вспоминал участник событий, швейцарец по происхождению Г. И. Гроссен: «Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные, при морозе в 10 градусов, должны были провести несколько ночей под открытым небом... множество людей замерзло, многие умерли от истощения».²⁴

В январе 1920 г. эстонские власти вообще решили играть по-крупному. Когда Н. Н. Юденич, после расформирования своей армии, вознамерился выехать в Европу, его вдруг арестовали, по сути, захватили в заложники с целью получения выкупа. (Арест производили люди известного авантюриста Булак-Балаховича вместе с эстонскими полицейскими.) Не удовлетворившись грабежом русского военного имущества, ревельские «антикоммунисты» рассчитывали, оказывается, покрыть свои «военные» затраты на антибольшевистскую борьбу²⁵, поживившись за счет тех русских денег, которые предназначались бывшим чинам Северо-западной армии в качестве «выходного пособия». Юденич, разумеется, отказался обсуждать все это, и по решению эстонских властей был немедленно выслан в Советскую Россию. Только резкий демарш французской и английской военных миссий предотвратил худшее: поезд с генералом, уже направлявшийся к границе, был остановлен на станции Тапа. После чего генералу с супругой было предоставлено убежище в британской миссии, но лишь через месяц эстонцы выпустили его из страны²⁶.

Соединенные Штаты менее всего желали в начале 1920 г. вмешиваться в происходящие на северо-западе России военные события, отказываясь признавать перед тем же Н. Н. Юденичем свою моральную ответственность (вместе с другими Союзными державами) за дальнейшую судьбу остатков Северо-западной армии. Американцы не предприняли никаких шагов для передислокации ее частей на северный или на южный белые фронты²⁷, не считая это своим делом: Прибалтика, как уже отмечалось выше, была тогда зоной преимущественно британских интересов.

Но американским дипломатам, вслед за французскими и британскими, все же пришлось вмешиваться в эстонско-советские игры; когда в марте–апреле

1920 г., в преддверии заключения договора с Советской Россией, власти «независимой и демократической Эстонии» взялись за регистрацию бывших офицеров армии Юденича — на предмет их дальнейшей выдачи красным.

Узнав об этом, Государственный секретарь Колби 2 апреля 1920 г. телеграфировал своему представителю в Риге Гэйдю: «Если ваше расследование подтвердит сообщение о том, что Эстония планирует выдать большевикам офицеров Северо-западной русской армии, Департамент считает необходимым прекратить поставки продовольствия Эстонии до того момента, пока от Эстонии не будут получены гарантии относительно невыдачи этих людей Советскому правительству»²⁸. Эта прямая угроза Государственного департамента возымела действие и остановила ретивых деловых партнеров ленинского правительства.

Неудивительно, что американские дипломаты, наблюдая за всем происходящим, весьма скептически оценивали человеческие качества прибалтийских политиков и серьезность их видов на будущее. Причем даже сторонники признания прибалтийской независимости внутри американской дипломатической службы использовали в своих посланиях вполне «прорусские» аргументы.

Так, в июле 1920 г. уполномоченный представитель Государственного департамента в Риге Э. Янг писал в Вашингтон: «У местных лидеров нет иллюзий относительно будущих отношений этих государств с Россией, и они вполне осознают, что в свое время, с восстановлением в России надлежащей, устойчивой формы правления, прибалтийские провинции вновь окажутся частью того, что вероятно станет федеративной Россией. Дабы способствовать воплощению в жизнь того, на чем настаивает наша русская политика, я настоятельно рекомендую признать эти три государства *de facto*, с тем, чтобы в скором будущем, если нынешние обстоятельства сохранятся, признать *de jure* Латвию и Литву — с оговоркой или заявлением о том, что это признание никоим образом не может быть интерпретировано как отклонение от нашей политики, оставляющей на будущее урегулирование тех отношений, которые будут существовать между этими государствами и новой Россией. С Эстонией же следует подождать до того момента, пока она не очистит себя от позора большевизма»²⁹.

В апреле 1922 г. тот же Янг, при его всем уважении к «значительному и очень важному прогрессу в первоначальной и столь необходимой работе по успешному управлению их различными территориями», достигнутому к тому времени прибалтийскими режимами, — и всего за несколько месяцев до их дипломатического признания Штатами, тем не менее, не строил особых иллюзий насчет дальнейших перспектив проекта: «Продолжение их пребывания в статусе независимых государств, возможно, будет также зависеть от силы или слабости нынешнего

или любого будущего правительства в России, и от отношений, которые в будущем будут существовать между Россией, с одной стороны, и этими тремя так называемыми государствами, с другой стороны»³⁰.

Собственно, и сами местные вожди уверяли американского их благожелателя в своей политической *вменяемости*. «В ходе множества неформальных бесед, которые я провел с ведущими представителями каждого из этих государств, — сообщал в Вашингтон Янг, — я приобрел убеждение в том, что они намерены продолжать такую линию поведения, которая ни при каких условиях не может быть использована в поддержку того аргумента, что продление независимого состояния этих государств может замедлить восстановление и выздоровление России.

Сейчас бесполезно обсуждать вопрос о том, насколько латыши, эстонцы и литовцы были вправе, с моральной точки зрения, провозглашать свою независимость в час слабости России. Фактом является то, что эти три народности, хотя и вдохновленные бесспорно националистическими устремлениями, своему существованию под коммунистическим режимом — или как части Советской России, или со статусом автономных советских республик — предпочли создание и установление того, что могло бы носить имя современного цивилизованного правительства. Каким бы ни было их будущее, определенно можно считать, что их решение провозгласить свою независимость имело последствием сохранение, по крайней мере, этой части бывшей Российской империи — свободной от опустошения и разорения коммунизмом и большевизмом.

<...> Вполне возможно, или даже вероятно, что когда-нибудь в неопределенном будущем эти так называемые государства снова станут составной частью России. <...> Признавая, что, с нашей точки зрения, возникновение сильной России весьма желательно, для местного наблюдателя трудно предложить другие действия, нежели немедленное признание этих государств»³¹.

Надо признать, что это мнение американского дипломата, по сути, мало отличалось от мнения русского дипломата, выраженного в памятной записке Б. А. Бахметьева от 30 июня 1921 г. Посол Временного правительства, с одной стороны, признавал создание «временно самостоятельных государств» в Прибалтике единственной альтернативой «коммунистическому ядру», считая его «победой демократии и закона над тиранией и анархией». Но с другой, он же предупреждал Государственный департамент против безусловного дипломатического признания независимости прибалтийских провинций России: «Подобное решение будет означать только видимость прочности и стабильности, сохраняя свою силу только в течение того времени, пока голос России остается невнятным»³².

Как бы это не звучало сегодня странно, и даже парадоксально, но в 1922 г. в качестве единствен-

ного, по сути, обоснования для дипломатического признания *так называемых государств* Прибалтики официальный представитель Государственного департамента выдвигал желание уберечь от опустошения тогдашним коммунистическим режимом — эту составную *часть России*.

Борьба Вашингтона за единство и неделимость России

Дело в том, что на протяжении всей русской Гражданской войны именно американская дипломатия сохраняла поразительную твердость в двух вопросах — непризнания правительства большевиков и сохранения территориальной целостности исторической России. Включая, между прочим, и территорию Прибалтийского края — немецких остзейских провинций нашей империи.

В официальном издании документов американского Государственного департамента разделы, посвященные положению в Прибалтике в 1919–1920 гг., даже называются соответствующим образом: «Продолжающийся отказ Соединенных Штатов признавать правительства в Балтийских провинциях — Отказ Соединённых Штатов от вовлечения в отношения между Советским правительством и правительствами в Балтийских провинциях»³³.

Ясно, что для подобного рода политики было много причин, но одной из главных была — историческая традиция дружественного взаимодействия между правительствами и народами Соединенных Штатов Америки и императорской России³⁴.

Притом, что реалистичность и прагматичность американского подхода к отношениям с Россией — всегда была очевидна. В том числе и в начале XX века, в последние годы существования Российской империи: и при Теодоре Рузвельте, и при Тафте, и при Вильсоне. Хорошим примером подобной реалистичности служит, например, меморандум Государственного секретаря Бэйнбриджа Колби о событиях русской Гражданской войны, подготовленный в 1920 г. для Президента Вудро Вильсона, в котором говорилось без обиняков: «Россия является одним из важнейших факторов в сложной системе производства и распределения, посредством которой одевается и кормится весь мир»³⁵.

Но дело не сводилось лишь к производству и распределению материальных благ. 10 августа того же 1920 г. госсекретарь Колби объяснял в своей ноте итальянскому послу барону Авеццане, что «предусмотрительность, разумное своекорыстие и верность нашим друзьям сделали желательной нашу моральную и материальную поддержку Временного Правительства <...>.

Совершенно независимо от этих мотивов, тем не менее, проявились чувства искренней дружбы правительства и народа Соединенных Штатов по отношению к великой стране России. Дружба, проявленная Россией по отношению к нашей стране

во время испытаний и страданий, оставила в нас неизбывное чувство благодарности»³⁶.

(При чтении этой ноты создается впечатление, что в Государственном департаменте внимательно прочли письмо «неформального и личного характера», направленное исполняющему обязанности госсекретаря Полку еще 22 марта 1920 г. русским послом в Вашингтоне Б. А. Бахметьевым; там содержались его предложения касательно подготовки официального заявления США по поводу событий в России³⁷.)

Надо сказать, что вопрос «единства и целостности территории» был для американцев не пустым звуком: слишком большую цену они заплатили в свое время за собственные *единство и целостность*. Именно безоговорочную поддержку Российской империей администрации Линкольна в его борьбе с южными сепаратистами имел в виду Бэйнбридж Колби, говоря о «неизбывном чувстве благодарности» американцев по отношению к России. Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что еще 2 августа 1920 г. в инструктивной телеграмме американскому послу в Лондоне Дэвису Государственный секретарь так объяснял позицию своего ведомства по вопросу о целостности русской территории:

«Департамент продолжает быть настойчивым в своем отказе признавать прибалтийские государства в качестве независимых от России государств, так как считает, что настоящее решение существующих проблем будет лишь замедлено и осложнено расчленением России. <...> Надежное и мудрое решение Русской проблемы, как нам представляется, не может быть достигнуто до того, как будет приведен в действие такой план, согласно которому все составные части русского народа будут в состоянии самым действенным образом рассмотреть взаимные нужды, политические и экономические, различных областей, составивших Императорскую Россию. Такое решение является жизненно важным как для Европы, так и для Азии. Несмотря на то, что американское Правительство не видит сейчас возможности для быстрого достижения такого результата, оно не считает полезными какие-либо решения, предложенные какой-либо международной конференцией, если они предполагают признание в качестве независимых государств тех или иных группировок, обладающих той или иной степенью контроля над территориями, являвшимися частью Императорской России, их границ и взаимоотношений, так как это может нанести ущерб будущему России и прочному международному миру.

Намерения и действия такого рода должны быть признаны временными и, без сомнения, прекратятся, как только восстановленная Россия решительно возьмется восстанавливать единство и целостность своей территории.

Тот факт, что советские вожди демонстрируют безразличие к определенным территориальным потерям, без сомнения объясняется их пропагандистским

рвением в распространении их экономических и социальных воззрений, а также их пониманием того, что мир, полученный даже ценой территориальных потерь России, является для них лучшим средством пропаганды и интриг, а это оружие они предпочитают даже использованию военной силы. Нет сомнения в том, что их собственные армии, содержащие достаточно элементов, не симпатизирующих существующему режиму, дают им основания для опасений»³⁸.

Надо признать, что американское правительство более чем ясно осознавало причины демонстрировавшегося советскими руководителями равнодушия к территориальной целостности бывшей империи.

Не менее очевидно, что американское правительство в то время просто не представляло себе будущего международных отношений без той России, дружественное взаимодействие с которой за предшествующее столетие успело стать одной из традиций американской дипломатии.

В уже цитировавшемся письме барону Авеццане (от 10 августа 1920 г.) Государственный секретарь Колби весьма патетично говорил о том, что «Соединенные Штаты сохраняют неослабевающую веру в русский народ, в его благородный нрав и в его будущее». О том, что его страна «уверена в том, что восстановленная, свободная и единая Россия снова займет свое ведущее положение в мире, присоединяясь к другим свободным странам в деле поддержания мира и упорядоченного правосудия.

До того, как это время наступит, Соединенные Штаты осознают, что дружба и честь требуют, чтобы русские интересы были великодушно защищены. В соответствии с этими политическими декларациями, Соединенные Штаты воздержались от поддержки решения Высшего совета [союзников] в Париже признать независимость так называемых республик Грузии и Азербайджана. <...>

В конце концов, с радостью признавая независимость Армении, Правительство Соединенных Штатов приняло ту точку зрения, согласно которой окончательное определение ее границ не должно производиться без сотрудничества и согласия России. Россия причастна к этому не только потому, что значительная часть территории нового государства Армения, когда его границы будут определены, окажется принадлежавшей в прошлом — Российской Империи: одинаково важным представляется тот факт, что Армения обязана рассчитывать на добрую волю и дружескую защиту России, если она собирается быть независимой и свободной»³⁹.

В завершение этого письма Бэйнбридж Колби с исчерпывающей ясностью заявил: «Резюмируя позицию нашего правительства, я бы сказал, <...> что, оно с удовлетворением встретило бы возможное заявление [Высшего совета] Союзных и присоединившихся держав о том, что территориальная целостность и истинные границы России будут уважаться. Эти границы, строго говоря, должны были бы включать

всю бывшую Российскую империю, за исключением собственно Финляндии, этнической Польши и той территории, которая по соглашению могла бы стать частью Армянского государства. <...>

Только таким способом можно лишить большевистский режим возможности взывать — фальшиво, но действенно — к русскому национализму. Только так, обезопасив русский народ от вторжений и территориальных потерь, можно поставить режим перед неизбежным вызовом разума и самоуважения этого народа...»⁴⁰.

Может возникнуть вопрос, почему за все годы нашей второй Смуты Соединенные Штаты признали независимость только трех бывших русских провинций — Армении, Польши и Финляндии, и отказывались признавать, в качестве независимых государств, другие части нашей империи? Этому есть несколько серьезных исторических и юридических объяснений — помимо упоминавшихся Колби в цитированном письме официально-поверхностных причин: наподобие «освобождения от деспотического чуждого правления» этих «наильно присоединенных» к империи территорий⁴¹.

Дело в том, что именно американские филантропы в течение нескольких лет вели кампанию осуждения Османской империи за репрессии «младотурок» против армян и помогали многочисленным армянским беженцам из Турции. Поэтому после фактического выхода России из войны и после прихода к власти в Турции Мустафы Кемаля-паши Государственному департаменту США не оставалось ничего другого, как предложить армянам защиту «международного права» путем признания независимости вновь образованного армянского государства (но без определения его границ!).

Что касается Финляндии, то она к 1917 г. уже обладала высокой степенью международной правосубъектности такого же рода: эта бывшая шведская провинция в начале XIX века вошла в состав Российской империи на правах личной унии, и русский монарх правил здесь в качестве Великого князя Финляндского. Здесь чеканилась своя монета, и на территории Финляндии русские подданные считались иностранцами⁴² (хотя и дружественными, разумеется). И именно в качестве Великого княжества (в отсутствие монарха управлявшегося тогда регентом) Финляндия и добивалась в 1917–1918 гг. признания Соединенными Штатами и Европой.

Польский же вопрос вообще относился к числу «гуманитарных легенд» западной дипломатии. Не удивительно, что после того, как к концу 1918 г. прекратили свое существование все три империи, в свое время разделившие между собой земли бывшей Речи Посполитой, Вашингтон признал независимость нового Польского государства.

Литва уже не могла притязать на правовой континуитет по отношению к Великой Литве времен Гедимины или Витовта. (Надо сказать, что уже Адам

Мицкевич был совершеннейшим поляко-литовцем, и друг его Пушкин имел все основания называть польское восстание 1830 г. — «волнениями Литвы». А к началу XX века образованные поляки и литовцы с трудом сами разбирались, кто из них кто: например, родной брат первого президента Польши Габриэля Нарutowича, Станислав Нарutowич, подписывал Декларацию о независимости Литвы.)

Остзейские провинции Российской империи, в отличие от Финляндии, находились под прямым суверенитетом русских монархов: именно императору всероссийскому Петру I присягали в свое время местные дворянские парламенты.

В связи с этим у вождей прибалтийских сепаратистов и возникли трудности, когда они возжелали получить «международное признание» не только от большевиков, но и от тех же европейцев и американцев.

Лишь 4 октября 1920 г. мнение главы советской дипломатии Г. В. Чичерина относительно этой ноты госсекретаря Б. Колби в защиту территориальной целостности бывшей Российской империи получил возможность изложить барону Авеццане неофициальный представитель Советской России в США (и немецкий подданный) Людвиг Мартенс. (В официальном статусе ему было отказано, хотя, начиная с 19 марта 1919 г., Мартенс содержал отдельное помещение для советского представительства в Нью-Йорке⁴³, а с 20 декабря того же года — и в Вашингтоне.)⁴⁴

Причем отношение Чичерина к исторической России в корне отличалось от отношения того же Колби: никакой патетики! Более того, советский нарком-интернационалист в 1920 г. с готовностью повторял мнение немецкого ультранационалиста Максимилиана Гардена, утверждавшего вполне цинично еще в 1905 г., что «Россия в действительности является колониальной страной, которая должна управляться коммерческими агентами и клерками различных компаний, как это принято в бизнесе».

Антибританская составляющая американской политики не ускользнула от внимания Чичерина, отметившего, что «господин Колби, в своем желании сохранить целостность царской территории, не просто расходится с политикой Британии, он фактически вступил в борьбу против ее политики. Очевидно круги, которые он представляет, осознают, что в новых государствах, отделенных от России, упрочилось влияние других сил, а именно британцев; и г. Колби не видит другой возможности противостоять этому влиянию, кроме упразднения независимости этих государств»⁴⁵. (В памятной записке для Государственного департамента, подготовленной 30 июня 1921 г., тогдашний русский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметьев также писал о том, что к намерению большевиков использовать прибалтийские страны в качестве «буферных государств» добавлялось и нежелание Ленина каким бы то образом мешать англичанам в зоне их особых интересов⁴⁶.)

Интересно, что в самые первые годы после установления советского режима вовсе не сотрудники Государственного департамента, но именно *дипломаты ленинской школы* поддерживали независимость «новых государств, отделенных от России», используя при этом такие выражения, как «угнетенные национальности», «захваченные силой», «право на независимость», «национальное самоопределение» по отношению к будущим «братским республикам» СССР.

В 1920-е гг. взаимное соперничество двух англосаксонских «кузенов» было весьма серьезным. Американцы действительно противились установлению британского контроля над странами бывшей русской Прибалтики, до последнего надеясь на послереволюционное восстановление исторической России.

Поначалу, впрочем, то есть до военной победы красных в Гражданской войне, правительства всех союзных России стран исходили из необходимости сохранения территориальной целостности бывшей союзницы.

Так, например, в 1919 г. французский генерал А. Ниссель, глава союзнической комиссии по эвакуации балтийских стран германскими войсками, получал следующие инструкции: «Союзные и дружественные правительства, хотя и противятся расчленению России и расположены восстановить ее единство, считают справедливым обеспечить внутреннюю (!) независимость, завоеванную прибалтийскими странами»⁴⁷.

То есть этим русским территориям державы-победительницы (по крайней мере, официально) предполагали обеспечить автономию и самоуправление, а самой бывшей союзнице — гарантии выхода к морю и свободы хозяйственных отношений. (Что не исключало, разумеется, неявного содействия тех же британцев изменению русских границ и ослаблению русского могущества.)

Признание очевидного

После окончательного поражения Русской армии генерала барона Врангеля в Крыму и налаживания отношений бывших прибалтийских русских провинций с большевиками Великобритания и Франция, хотя и колебавшись в течение года, также официально признали независимость Эстонии и Латвии в январе 1921 и Литвы — в декабре 1921 г.

Государственный департамент США держался избранной линии дольше всех, до самого 1922 г. настойчиво защищая русскую территориальную целостность, вопреки, казалось бы, очевидным материальным преимуществам сделки с большевиками. Для американцев не было секретом, что в обмен на обязательства тех же эстонцев не допускать через свою территорию белогвардейских нападений на Советскую Россию, вкупе с правом пользования ревальским портом и нарвской электростанцией, Москва согласилась с присвоением Эстонией, безо всякой компенсации, всей публичной (не частной!)

русской собственности, более того, пообещала вернуть все, что было вывезено. Кроме того, Эстония еще получила концессии на строительство железной дороги до Москвы и на вырубку леса в России (в объеме 1 млн га)⁴⁸.

Это была осознанная позиция: потому не только в 1919-м, но и в 1920-м, и в 1921 г. Государственный департамент весьма холодно отвечал на постоянные обращения к нему литовских, эстонских и латвийских властей и представителей таковых в США с просьбами о дипломатическом признании.

Лишь после очевидной победы красных в Гражданской войне не только в европейской России и Сибири, но и на Дальнем Востоке надежды американской дипломатии на восстановление исторической России постепенно исчезли. И, в конце концов, вполне антикоммунистически настроенное американское правительство У. Гардинга пошло в 1922 г. на признание сепаратистских правительств в Прибалтике.

Но это официальное признание независимости прибалтийских стран происходило при весьма поучительных обстоятельствах и весьма показательным образом.

Когда республиканцам понадобилось привлечь на сенатских выборах в Массачусетсе голоса избирателей прибалтийского происхождения, лидер республиканцев в Сенате Генри Кэбот Лодж обратился к Президенту США Гардингу с просьбой поскорее признать прибалтийские правительства. Гардинг согласился и дал 21 июля 1922 г. прямое указание своему Государственному секретарю Хьюзу немедленно объявить об их дипломатическом признании: уже тогда внешняя политика США стала зависеть от голосов новых иммигрантов, вернее их лоббистских групп, не в меньшей степени, нежели от мнения специалистов дипломатического ведомства и собственно американских политиков.

Государственный секретарь США Чарльз Эванс Хьюз на следующий же день выполнил указание президента Гардинга, но счел необходимым выступить по этому поводу со специальным разъяснением. С содержанием своего заявления для прессы, предназначенного для публикации в утренних газетах 28 июля 1922 г., он ознакомил своего представителя в Риге Янга уже 25 июля. Сообщая о признании прибалтийских правительств, глава американского дипломатического ведомства, в частности, заявлял: «Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются коренным⁴⁹ населением»⁵⁰.

Учитывая эти *оговорки* главы американской дипломатии, можно утверждать, что о полном и безоговорочном признании независимости прибалтийских режимов от России — речи не шло: в полном со-

ответствии с предупреждениями Б. А. Бахметьева, сделанными за год до того, Соединенные Штаты сохраняли себе на будущее свободу рук.

Надо сказать, что это, весьма красноречивое, заявление Секретаря Ч. Хьюза никогда не было дезавуировано Государственным департаментом и сохраняет своё значение до сих пор.

Если в советское время двойственность американского отношения к целостности нашей территории могла объясняться «расстроенным состоянием русских дел», то есть тем, что советский режим формальным образом отказывался от преемства с исторической Россией, то сегодня это объяснение может работать лишь с оговорками. А именно, ровно до момента формального признания законодательной и исполнительной властью РФ *правопреемства* с исторической Россией дооктябрьского времени, точнее — досентябрьского: ибо лишь 13 сентября 1917 г. глава революционного режима А. Ф. Керенский (никем не избранный и, следовательно, никак не легитимизированный) провозгласил Россию республикой — не дожидаясь Учредительного собрания и всенародного волеизъявления.

Известные трения между Государственным департаментом и президентом Вильсоном по вопросу отношения США к большевикам возникли уже в первые месяцы после Октябрьского переворота. Но и после ухода Вильсона, как в годы нашей Гражданской войны, так и после нее, существовало явное противоречие между подходами, с одной стороны, американского правительства, прежде всего Государственного департамента и Конгресса, а с другой стороны — весьма серьезных деловых кругов Соединённых Штатов — к отношениям с советским режимом. (Интересно, что при этом председатель крупнейшего профсоюзного объединения страны, Американской федерации труда (АФТ), Гомперс выступал на стороне антисоветски настроенного Государственного департамента⁵¹.)

Эти американские деловые круги все после-революционное время вовсе не чурались сделок с советскими коммунистами, а напротив, всячески демонстрировали правительственным чиновникам очевидные выгоды от торговли с СССР.

Согласно данным справочника по Советскому Союзу, выпущенного в 1936 г. Американской торгово-промышленной палатой⁵², с 1924 г. по 1931 американский экспорт в СССР вырос почти в три раза, как и американский положительный баланс в этой торговле. А за шесть лет Великой депрессии, с 1929 по 1934 г., экспорт промышленного, энергетического и сельскохозяйственного оборудования, автомобилей и комплектующих в СССР достиг уровня в 8% от всего американского экспорта.

Впрочем, с самого первого дня своей деятельности Советское правительство вполне могло опираться на собственное финансово-промышленное лобби в Соединенных Штатах. А с 1918 г. деятельность неофициального представительства Советской России,

возглавлявшегося уже упоминавшимся Людвигом Мартенсом (вице-президентом фирмы «Weinberg & Posner»), протекала на виду у делового Нью-Йорка — в офисном здании под номером 120 на Бродвее, которое принадлежало известной страховой компании «Equitable Life».

Но рост американского экспорта в СССР в 1920-е гг. не приводил к изменению позиции Государственного департамента по отношению к коммунистическому правительству Москвы. Американская дипломатия продолжала многолетнюю политику его непризнания. (В те годы, в отличие от первых лет «холодной войны», Государственный департамент не был еще наполнен левыми интеллектуалами разного толка.)

Уже упоминавшийся Государственный секретарь Ч. Э. Хьюз 19 июля 1923 заявил, что, помимо тиранического характера советского режима (довод — морального свойства), препятствием для его признания является еще и отказ одного от следования *правилам*, принятым в международных отношениях. Пояснив, что невозможно «политическое содружество с этим режимом до той поры, пока он отрицает самые основания международных отношений и стремится, как к окончательной и определенной цели, к разрушению всех тех свободных институтов, которые мы с таким трудом выстроили, и которые содержат в себе необходимые гарантии свободы труда, на которой должно основываться наше благополучие»⁵³. Тот же Хьюз провозгласил, что начало выплат Советами русских долгов может стать точкой отсчета для начала подготовки к их дипломатическому признанию⁵⁴.

Так что, как только Советский Союз изъявил готовность играть по принятым в международных отношениях правилам, а Гитлер продемонстрировал, что Вашингтону не всегда стоит беспокоиться о выражении «воли народа», Рузвельт посчитал, что исчезли самые серьезные препятствия для дипломатического признания советского режима. Признание это было совершено в полном соответствии с заветами Джефферсона относительно «мира, торговли и искренней дружбы» со всеми странами, вне зависимости от политического режима в них⁵⁵.

Ведь СССР, в конце концов, согласился выплачивать американцам русские военные долги, включая долги правительства Керенского: не явно, разумеется, а в виде дополнительных процентов по новым кредитам, как государственным, так и частным, — в соответствии с «джентльменским соглашением», заключенным 15 ноября 1933 г. между президентом Франклином Рузвельтом и народным комиссаром М. М. Литвиновым⁵⁶.

Эта процедурная двойственность отражала и содержательную двойственность — как американо-советских отношений, так и самого международного статуса Союза ССР.

Очевидная двойственность, противоречие между политической риторикой и императивами *Realpolitik*, в деятельности Государственного департамента США

на советском направлении особенно ярко проявились в начале Второй мировой войны.

Так, в коротком официальном заявлении исполняющего обязанности Государственного секретаря США Самнера Уэллса от 23 июля 1940 г., в связи с инкорпорацией прибалтийских стран в Советский Союз, говорилось о неких «хищнических действиях», но Советский Союз при этом даже не был упомянут⁵⁷.

Когда же, в августе 1940 г., Москва потребовала закрыть американские представительства в Вильнюсе, Риге и Таллине, тот же С. Уэллс написал Президенту Рузвельту: «Нет сомнений в том, что Советское правительство, вступая во владение дополнительными территориями в восточной Европе, не продемонстрировало внимания к гражданам и интересам Соединенных Штатов, какового внимания можно было ожидать от правительства, поддерживающего дружеские отношения с правительством Соединенных Штатов». Однако, касаясь обсуждавшейся тогда в Вашингтоне возможности закрытия некоторых советских консульств в США, Самнер Уэллс весьма красноречиво объяснил Рузвельту бесполезность предлагавшихся мер: подобного рода обмен дипломатическими ударами с Советами, писал он, «может сделать напрасными предпринимаемые нами как раз сейчас попытки, путем проведения серии консультаций с советским послом, имеющие целью устранение тех препятствий, что мешают улучшить отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом»⁵⁸.

Именно улучшение отношений с СССР стояло тогда на американской повестке дня, а вовсе не судьба прибалтийских режимов.

Тем более, что отношение великих держав того времени к независимому статусу малых стран зависело, как представляется, от целого комплекса факторов, в первую очередь, касавшихся отношений между самими великими державами. Едва ли не всеобщим было тогда мнение о том, что «Литве, Латвии и Эстонии, из-за их стратегического расположения, невозможно оставаться независимыми рядом с мощным соседом. Они возникли в 1919–1920 гг., когда и Германия, и Россия были изнурены. Но, помимо краткого изнеможения двух великих балтийских наций в то время, период 1919–1920 гг. также отмечен высокой степенью британского, французского и даже американского вовлечения в восточно-балтийские дела. Их совместная деятельность, направленная одновременно против Германии и большевистской России, привела к исторически ненормальному положению дел.

Это не было, как можно заключить, определенным замыслом, ведущим именно к созданию балтийских государств. <...> Стоило британскому, французскому и американскому давлению исчезнуть, а России и Германии вновь обрести силы — и деликатное равновесие не смогло больше сохраняться, и также не могли сохраниться балтийские государства»⁵⁹.

Не случайно определенные трудности возникли у американской дипломатии даже с представлением

Народному комиссару иностранных дел СССР ноты от 14 августа 1940 г. о непризнании Правительством США законности процедуры «народного волеизъявления» прибалтийских стран и включения их в Союз ССР. Ведь оба партнера прекрасно понимали не только то, что процедуры эти не были столь уж прозрачны, но и то, что те же литовцы за восемь месяцев до этого — вообще обошлись в Виленском крае без каких-либо голосований.

В весьма остроумной советской ноте от 22 августа того же 1940 г. американское заявление называлось «необъяснимым, так как всем хорошо известно, что Правительство Соединенных Штатов не однажды, через своих официальных представителей, выражало несогласие с отделением выше поименованных прибалтийских стран от России, несомненно считая такое отделение не соответствующим интересам народов России, в настоящее время — Союза Советских Социалистических Республик, — или народов Эстонии, Латвии и Литвы»⁶⁰.

Далее цитировались (приведенные нами выше) нота Государственного секретаря Колби итальянскому послу Авеццане от 10 августа 1920 г. и письмо Секретаря Хьюза представителю США в Риге Янгу от 25 июля 1922 с заявлением о признании Литвы, Латвии и Эстонии, в каковых документах ясно выражалось несогласие Государственного департамента с расчленением исторической территории России.

«В связи с вышеупомянутым, — иронизировал Наркоминдел, — совершенно непостижимым является то, что Правительство Соединенных Штатов посчитало возможным, в полном противоречии с вышеизложенными собственными его декларациями, возражать против воссоединения народов Эстонии, Латвии и Литвы с народами Советского Союза...»⁶¹.

Советская дипломатия, упражняясь в остроумии, делала тогда вид, что секретари Колби и Хьюз, говоря об «исторической России», могли иметь в виду Советский Союз конца 1930-х гг. Однако нельзя не признать, что внутренне противоречие наличествовало и в американской позиции.

И уже через год Соединенные Штаты, безо всяких колебаний, признали СССР своим более чем важным союзником, причем вполне «демократическим»: войну против «оси Берлин — Рим — Токио» официально вели именно «демократии». Сталинскому СССР либерально-демократические англосаксы не только посылали всю войну оружие, но в конце концов даже занялись «экстрадичией» в Советский Союз разнообразных диссидентов, в том числе и тех, кто никогда не имел советского гражданства⁶².

И американцы, например в 1945 г., вели себя по отношению к белым русским, которых британцы выдавали СССР, совсем не так, как в 1920, когда тех же белых русских намеревались выдать Советской России эстонцы: лишнее доказательство той бесспорной истины, что с течением времени моральное состояние человечества отнюдь не улучшается.

Alexander V. Fomenko. The Baltic Question on the Eve of the Second World War.

The article provides a study of the U.S. attitude towards the issue of independence of Estonia, Latvia and Lithuania after the First World War and in 1939–1940.

The author claims that, contrary to the popular belief, the United States was not strictly against the incorporation of Baltic states in the Soviet Union. After the very emergence of independent Baltic republics American diplomacy preferred the idea of territorial integrity of Russia, because it hoped that if anti-Communist forces win the Civil War, the new democratic government would become the legal owner of these territories and inherit the important international role the Imperial Russian government had once played.

Only when the Bolsheviks emerged victorious did the U.S. government recognize the Baltic countries. Later, when the USSR included the Baltic region into its sphere of influence, the U.S. was busy with other strategic interests and did almost nothing to prevent the Baltic republics from joining the USSR.

1. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004, С. 489.
2. The Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1939, P. 937 (далее — FRUS).
3. Ibid. P. 945.
4. Ibid. P. 952.
5. Ibid. P. 945.
6. Ibid. P. 951.
7. Time. 1942. September 14.
8. FRUS. 1939. P. 875.
9. Ibid. P. 902.
10. Ibid. P. 884.
11. Ibid. P. 903.
12. Time. 1962. May 18.
13. Люциан Желиговский родился неподалеку, в литовско-белорусском Несвиже, воевал в рядах Русской Императорской армии в годы русско-японской и Первой мировой войн, достигнув чина полковника и став Георгиевским кавалером. После Февральской революции участвовал в формировании польских частей в России, в том числе единственной польской части Добровольческой армии (полковника Ф. Жилинского), вопреки воле генерала Ю. Пилсудского, воевавшей в 1918 г. против большевиков бок о бок с русскими белогвардейцами.
14. Karski, Jan. The Great Powers and Poland, 1919–1945. From Versailles to Yalta. Lanham, Md.: University Press of America. 1985, P. 72–74.
15. Формальности были соблюдены: советские войска перешли границу с бывшим польским государством лишь после прекращения его фактического существования.
16. Karski, Jan. The Great Powers and Poland, 1919–1945. From Versailles to Yalta. P. 212–215.
17. Польские чиновники были немедленно изгнаны, Вильнюсский университет и все школы – подвергнуты новыми властями «литовизации». (Yves Plasseraud. Op. cit., P. 167.)
18. FRUS. 1939. P. 964–965.
19. Ibidem.
20. Ibid. P. 969.
21. Имеются в виду балтийские немцы, бывшие подданные Российской империи, и немцы из Германии, ветераны кайзеровской армии, ко времени окончания мировой войны оказавшиеся в Прибалтике.
22. Томилов П. А. Северо-Западный фронт гражданской войны в России 1919 г. (Очерк, составленный на основании документов архива Северо-западного фронта.) Рукопись // Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция П. А. Томилова, С. 7. Цит. по: Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002, С. 99.
23. См.: Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. С. 100–101.
24. Гроссен (Нео-Сильвестр) Г. И. Агония Северо-западной армии (Из тяжёлых воспоминаний) // Историк и современник: Историко-литературный сборник. Т. 5. Берлин, 1924. С. 135. Цит. по: Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. С. 102.
25. FRUS. 1920. Vol. III. P. 644.
26. Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. С. 105–107.
27. FRUS. 1920. Vol. III. P. 642.
28. Ibid. P. 649.
29. Ibid. P. 652.
30. Ibid. 1922. Vol. II. P. 870.
31. Ibid. 871–872.
32. Ibid. 1921. Vol. II. P. 759.

33. Ibid. 1920. P. LXXVII; 1921. Vol. II. P. 752; 1923. Vol. III. P. LIIVII.
34. См.: *Фоменко А. В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М., 2009.
35. FRUS. 1920. Vol. III. P. 436.
36. Ibid. P. 464.
37. Ibid. P. 451–453.
38. Ibid. P. 462–463.
39. Ibid. P. 465.
40. Ibid. P. 468.
41. Финляндцы, как известно, не имели никакого особого отношения к факту перехода своей страны из юрисдикции шведского короля — под юрисдикцию русского императора. А уж к армянам применять оба названных довода, тем более, было невозможно.
42. В России, при этом, финляндцы не считались иностранцами и обладали тем же статусом, что и подданные русского Царя: *Goulevitch A.* *Czarism and Revolution.* Hawthorne, CA, 1962. P. 23.
43. Штатно-должностная структура нью-йоркского бюро Л. Мартенса, несмотря на всю его неофициальность, была весьма разветвленной и многочисленной. См.: U.S., House. *Conditions in Russia* (Committee on Foreign Affairs), 66th Congress, 3rd Session, Washington, D.C., 1921. Цит. по: *Villemarest, Pierre F. de, en collaboration avec Kirakoff, Clifford A.* G.R.U. *Le plus secret services soviétiques. 1918–1988.* Paris, 1988. P. 301–302.
44. FRUS. 1920. Vol. III. P. 455.
45. Ibid. P. 464.
46. Ibid. 1921. Vol. II. P. 757.
47. *Niessel A.* *L'évacuation des Pays Baltiques par les Allemands.* Paris; Limoge; Nancy, 1938. P. 32.
48. FRUS. 1920. Vol. III. P. 645–646.
49. В оригинале: *Indigenous* – аборигенный, туземный, местный (*англ.*).
50. FRUS. 1922. Vol. II. P. 873–874.
51. *Ruhaak, Martin.* Op. cit. P. 82–84.
52. *Handbook of the Soviet Union.* N.-Y., 1936.
53. FRUS. 1923. Vol. II. P. 763–764.
54. *Beard, Charles A. & Mary R.* Op. cit. Vol. 2. P. 720.
55. *Inaugural Addresses of the Presidents of the United States from George Washington 1789 to George Bush 1989.* Washington, D.C., 1989.
56. FRUS. 1933. P. 26–27.
57. Ibid. 1940, Vol. I. P. 401.
58. Ibid. P. 425.
59. *Stanley W. Page.* *The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Politics upon the Emergence of Lithuania, Latvia and Estonia.* Cambridge Ms., 1959.
60. FRUS. P. 427.
61. Ibid. P. 428.
62. *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Пер. с англ. Париж, 1988.